

НЕОКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ О «ВИШНЕВОМ САДЕ» ЧЕХОВА

Предисловие и публикация Э. А. Полоцкой

«Вишневый сад» Чехова — так озаглавлена рукопись Брюсова, датируемая приблизительно второй половиной января — началом февраля 1904 г. Обстоятельства, которые вызвали к жизни эту «примечательную рукопись», как назвал ее Г. Чулков¹, уже упоминались в литературе о Брюсове².

Брюсов, бывший на премьере «Вишневого сада» в Художественном театре 17 января 1904 г.³, еще раньше, очевидно, обещал редакции журнала «Новый путь» дать отзыв об этом спектакле. Во всяком случае через 6 дней после премьеры З. Н. Гиппиус писала ему о рецензии, как о чем-то уже обещанном: «Заметку о «Вишневом саде» *очень* просим поскорее! Умоляем! И с искренностью, без улыбок Чехову (если сад их не стоит)»⁴. Такой заказ — «без улыбок» — отвечал общему отношению старшего поколения символистов к искусству Художественного театра и его чеховскому репертуару. И еще не кончив писать статью, Брюсов поторопился сообщить телеграммой в «Новый путь», что уже отослал ее. Но статьи к сроку в Петербурге не получили, время шло, и 16 февраля З. Н. Гиппиус написала Брюсову:

«Признаюсь, я изумлена, и нельзя сказать, чтобы совсем не сердилась: вашу статью мы ожидали до последней минуты, чуть не до вчерашнего дня — и ничего! Я понимаю, если бы вы ее обещали гадательно, в письме, но ведь вы телеграфировали, что она *выслана!* Что помешало вам ее выслать и, в продолжение двух недель после телеграммы, известить меня, что статьи не будет? Я не могу допустить, что она пропала, я знаю, что заказные пакеты никогда не теряются. Очень прошу написать мне, как и почему вышла эта досадная для всех нас история. З. Г и п и у с.

Р. С. Скоро надеемся быть в Москве. Уж там ли вы?»⁵

Вероятно, Брюсов признался, что статьи не выслал. Через месяц, 21 марта, уже по поводу нового заказа Гиппиус писала: «Боюсь и надеяться на ваши переводы (что может быть невернее Брюсова!) — но на всякий случай умоляю о них (<...> Только не телеграфируйте, что выслали, если еще не выслали. Я, пожалуй, опять поверю»⁶.

Четыре страницы сохранившейся рукописи (л. 1—3) свидетельствуют, что статья не была дописана. По степени завершенности текста автограф состоит из двух частей:

1) Лист первый, половина второго листа и лист третий представляют собой белую рукопись с незначительной правкой чернилами (на 1 л., кроме того, есть несколько исправлений карандашом); последние фразы первого листа — о языке героев «Вишневого сада», с противопоставлением ему речи Лопухина, — текстуально почти совпадают с первыми строками третьего листа, начинающегося с середины фразы: «исключение — роль того же Лопухина». Разнотечения этих двух отрывков позволяют думать, что лист третий принадлежит другой, не сохранившейся редакции статьи (возможно, незаконченной); нижняя часть третьего листа отрезана.

2) Примерно в середине второго листа правка становится интенсивнее, и рукопись превращается в черновую. Заполнив весь второй лист, Брюсов продолжал писать на оборотной стороне первого листа; эта последняя страница исписана почти до конца.

Рукопись отражает неприятие Брюсовым-символистом реалистического искусства, отождествлявшегося им тогда с натурализмом. Как критик, он искал в художественном явлении условных форм, и если не находил их, то не принимал этого явления. Не прятая он и «Вишневый сад» Чехова. Изучение автографа со всей наглядностью показывает, насколько сложной оказалась для Брюсова работа над статьей, обещанной редакции «Нового пути».

БРЮСОВ

Фотография. Москва, 1900-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Не сразу определилась композиция будущей рецензии. Основная редакция рукописи, в ее белой и черновой частях (листы 1, 2, 1 об.), имеет заглавие и состоит из следующих тематических разделов: вступление к теме (место Чехова в ряду современных драматургов), недостатки «Вишневого сада» (устарелость драматических положений, отсутствие развития характеров), достоинства пьесы («компактность» композиции), постановка пьесы в Художественном театре (принцип подражания действительности), недостаточность чеховского реализма по сравнению с искусством Достоевского или Ибсена — истинно великих художников (которые не остаются на почве реальности, а ищут более высоких форм искусства). К тезису о фотографичности чеховской драматургии, намеченному уже во вступлении, Брюсов возвращается на последней черновой странице рукописи (л. 1 об.) и дополняет его сравнением Чехова с актером, пытающимся «вернее всего» изобразить Наполеона с помощью тщательного грима; не признавая ценности внутреннего содержания пьесы, Брюсов замечает в ней единственную идею — «дворянское оскудение» (но с приговором: «Это заставлял Пегаса — пахать»). Последние два слова, заключающие эту редакцию рукописи: «Не современен».

Фрагмент другой редакции (л. 3), продолжал несохранившийся текст, в котором была уже речь о Лопухине (очевидно, в связи с достоинствами пьесы, как и на л. 1), содержит общую оценку Чехова и его места в русской литературе. Некоторые формулировки этого фрагмента близки к конспективным записям чернового автографа. Это — упоминание идеи дворянского оскудения, с выражением: «заставлял пахать Пегаса»; это — противопоставление Чехова великим творцам — Пушкину, Достоевскому, Толстому (имя Ибсена, дважды упоминавшееся в основной редакции, здесь отсутствует), а чеховской драматургии — искусству «в святом смысле слова».

По заключительным строкам этого фрагмента — о совершенствовании «техники» чеховской драматургии при ее внутренней устарелости — можно предполагать, что Брюсов хотел сделать экскурс в прошлое Чехова-драматурга. «Когда-то сумеречные настроения его пьес гармонировали с душой человечества», — последняя фраза фрагмента. Это единственная мысль в л. 3, не совпадающая с содержанием основной редакции рукописи.

Главный упрек Брюсова Чехову-художнику — это его стремление писать так, чтобы изображаемая жизнь была похожа на действительность. В этом Брюсов видит и порочность сценических приемов Художественного театра. Как ни старается он в своей рецензии быть объективным, отмечая и достоинства и недостатки чеховской пьесы, он логикой своих доказательств представляет «Вишневый сад» будущему читателю рецензии как явление, опасное для развития русского искусства.

Спичичность чеховской пьесы Брюсов признает, но с существенной оговоркой — о банальности главных драматургических приемов Чехова. Само сравнение картин, нарисованных Чеховым, с альбомом фотографий, который можно посмотреть «с любопытством», звучит более чем сомнительной похвалой. По правке Брюсова даже в белой части автографа заметно, что он пытается подавить в себе глухое раздражение, которое у него вызывает принцип жизненности изображения — как в пьесе, так и в ее постановке. Он оценивает актерское исполнение ролей словами: «Играют обычно плохо», но затем зачеркивает слово «плохо» и свои критические замечания об игре актеров (стараясь «говорить так, как в жизни») обосновывает более объективно: «Это — недостижимо, потому что в жизни слова произносят в то самое мгновение, когда они «приходят на ум», и все сказанное одушевлено мыслью. В театре актер говорит, заранее зная, что он скажет. Но вопрос, как иначе играть Чехова? В других театрах такие пьесы играют еще хуже». Но и это обоснование, с невольной оценкой МХТ в словах «еще хуже», показалось Брюсову излишним, он снял его, сохранив лаконичное: «Но вопрос, как иначе играть Чехова?»

По поводу самой пьесы Брюсов пишет, что в выведенных Чеховым лицах «нет никакого развития характеров», и зачеркивает затем слово «никакого». Характеризует — весьма положительно — появление Лопахина в III действии как «единственное сильное» и, не успев дописать следующее слово: «место», зачеркивает слово «единственное»; оценка, в конце концов, и здесь становится более объективной: «сильная и истинно драматическая сцена».

Однако в стараниях смягчить резкость своего отношения к драматургии Чехова и, в частности, к его последней пьесе Брюсов явно непоследователен. Характеристику Лопахина он предалил словами: «Некоторые фигуры очень удались Чехову», но зачеркнув слово «очень», хотел было выразить мысль иначе — усилить положительный смысл своей оценки чеховских «фигур»: «принадлежат к числу лучших и наиболее жизненных в ряду созданных им лиц». Здесь, однако, похвала «жизненным» фигурам оказывалась не в ладу с критикой жизненности как художественного принципа. Брюсов зачеркнул и эти слова, заменив их скупым и более сдержанным: «очерчены очень рельефно».

Абзац, посвященный «искусному распределению материала», обнаруживает причину общего неприятия Брюсовым художественного метода Чехова. По мнению Брюсова, Чехов не вдохновенный творец (далее, в черновых записях, об этом будет сказано и специально), а драматург, «поставляющий» театру пьесы; он не создает произведения искусства в высоком смысле слова, а просто пишет для публики — и делает это ловко, искусно, обдуманно. В соответствии с этой концепцией чеховского метода Брюсов, написав сначала одобрительно, что в каждом акте «Вишневого сада» «выходы» и «уходы» героев «естественны», вносит в эту оценку уточнение: «подстроены естественно». Далее, в связи с компактностью актов (длящихся не более 20 минут), Брюсов отмечает как достоинство пьесы то, что в ней нет длинных речей, но тут же в скобках язвительно добавляет: «и уж, конечно, нет монологов».

В рукописи осталась неустрашенной противоречивость оценки художественной формы «Вишневого сада»: с одной стороны, Брюсов констатирует все большее совершенствование технических приемов Чехова-драматурга, с другой — перечисляет довольно большое количество именно технических недостатков пьесы (в том числе и статичность характеров). При всей незавершенности проделанной Брюсовым работы видно, что он ставил себе задачи более широкие, чем этого требовал отзыв об определенном чеховском спектакле. Несостоявшаяся рецензия должна была стать статьей о Чехове-драматурге, с характерным для критических работ Брюсова обстоятельным, монографическим подходом к теме.

Чем все-таки объяснить, что Брюсов не дописал свою статью? Обострением отношений с заказчиком — редакцией журнала «Новый путь», уводящей своих читателей все более и более в чуждый Брюсову мир религиозных исканий? Но почему тогда он не докончил статью о «Вишневом саде» для своего журнала — для «Весов» (а поместил в нем прямо противоположный его собственному мнению о Чехове отзыв А. Белого?)? Охлаждением к спорам против «натурализма» Чехова? Но почему Брюсов не охладил к борьбе против «натурализма» Художественного театра (ведь он не отделял искусство Чехова от искусства МХТ) и в 1906 г. с неослабевающей остротой продолжал писать о ненужности подражания жизни в постановках этого театра? ⁸ Видимо, тут были причины более глубокие, связанные с общим внутренним состоянием Брюсова в это время. Позже Брюсов так оценил духовные перемены, происшедшие с ним в 1904—1905 гг.:

«Для меня это был год бури, водоворота (...) Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова.

Литературно я почти не существовал за этот год, если разуместь литературу в верленовском смысле. Почти не работал: «Земля» напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Бальмонтом и Мережковскими. Нигде не появлялся. Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов...» ⁹.

Весь этот сложный процесс сопровождался отходом Брюсова от сторонников религиозной философии, с которыми он поневоле сблизился, сотрудничая в журнале «Новый путь». И совсем чуждый мистическому прочтению Чехова, он не хотел быть ни вместе с Гиппиус ¹⁰, ни вместе с Белым ¹¹.

Между тем бурное желание «начать всю жизнь сызнова» отодвинуло на время старые замыслы, Брюсову просто «не работалось» в 1904 г. А слухи о прогрессирующей болезни Чехова, усилившиеся после премьеры «Вишневого сада», не могли не остудить обличительного пыла Брюсова. Иначе же он тогда писать не смог бы.

Да и резкость тона рецензии (даже в похвалах своих Чехову Брюсов был ироничен) расходилась с его обычной терпимостью к тем крупным явлениям искусства, которые не отвечали его субъективному вкусу. А позже, с изменением эстетических взглядов Брюсова и, в частности, с его переоценкой реализма, отпала и идейная почва, на которой была основана критика Чехова-драматурга в его рукописи о «Вишневом саде».

На первый взгляд, рецензия, которую Брюсов писал для журнала «Новый путь», резко противоречит известному его отзыву о «Вишневом саде», напечатанному в начале сентября 1904 г. в «Athenaeum 'e» ¹² и перепечатанному в сентябрьской же книжке «Весов» за 1904 г. Отзыв весьма лаконичен: «В области драмы единственным значительным явлением была новая пьеса А. Чехова «Вишневый сад». В четырех небольших, но чрезвычайно изящных актах перед зрителями проходит ряд мастерски написанных картин русской помещицкой жизни, прямо с натуры срисованных типов. Благодаря идеальному исполнению Московского Художественного театра пьеса имела большой успех в Москве и Петербурге. Первое представление ее сопровождалось восторженными овациями ее автору со стороны всех без различия литературных партий».

Нужно, однако, иметь в виду, что в «Athenaeum 'e» Брюсов обращался к иностранным читателям, не осведомленным в культурной жизни России, и ему было важно прежде всего ознакомить их с важнейшими фактами текущей русской литературы. Тон его литературных обзоров (в частности, и цитируемого) — сдержанный, почти информационный ¹³.

Тем не менее при чтении этих обзоров в контексте «русских» работ Брюсова становится ясным его субъективное отношение к художественным явлениям. В сущности, и в характеристике «Вишневого сада» в английском журнале Брюсов не спорит с самим собой как автором недописанной рецензии на этот спектакль. То, что выражено в рецензии с полной откровенностью, в «Athenaeum 'e» приобрело характер официального «рапорта». В самом деле, публикуемая нами рукопись Брюсова содержит материал об «изяществе» четырех актов «Вишневого сада» (см. начало л. 2), о жизненности картин

и типов в пьесе (конец второго абзаца на л. 1), о соответствии постановки МХТ пьесе Чехова и об успехе спектакля (записи на л. 2).

Лишь одна мысль в этом обзоре Брюсова звучит диссонансом по отношению к идеям, которые он собирался высказать в статье для «Нового пути». Как уже было сказано, в рукописи Брюсова Чехов исключается из плеяды великих, место его значительно скромнее: один из видных неореалистов, творчество которых не принадлежит к области «святого искусства». Заметка в «Athenaeum'e» кончается словами: «Уже по оконтчани этой статьи пришла весть о кончине Антона Павловича Чехова, самого известного в Европе русского писателя после Л. Толстого; эта смерть — громадная потеря для русской литературы». Надо думать, впрочем, что эти слова были в какой-то мере откликом на поток восторженных отзывов о Чехове, вызванных его смертью; одну из самых высоких оценок Чехову дал сам Толстой в беседе с корреспондентом газеты «Русь» 15 июля 1904 г. В заключении обзора сказалось то же уважение Брюсова к чужому мнению, которое сделало возможным публикацию в «Весах» статей А. Белого о Чехове¹⁴. Общественное мнение готово было перевести только что умершего Чехова в ранг великих — и Брюсов не мог с этим не считаться.

При публикации автографа места, зачеркнутые Брюсовым в беловых его частях, если они имеют смысловое значение, приводятся под строкой (л. 1, начало л. 2, л. 3). Вычерки, сделанные в черновых записях, заключены в квадратные скобки, и воспроизводятся прямо в тексте.

В расшифровке черновых записей приняли участие Ю. П. Благоволина, Т. Г. Динесман и А. Н. Дубовиков, за что их сердечно благодарю.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Надпись Г. И. Чулкова, в архиве которого хранится автограф, на его первой странице (ГБЛ, ф. 371, б. 7).

² Г. Ю. Б р о д с к а я. Брюсов и Чехов. По новым материалам. — «Театр», 1972, № 2, стр. 97—100. В статье впервые цитируются отдельные выражения из рецензии и отрывок, начинающийся словами: «Для обсуждения таких вопросов гораздо пригоднее газетные фельетоны или специальные трактаты». Характеристику рецензии Брюсова на «Вишневый сад» в связи с его эстетическими взглядами начала XX в. см. также в статье: Э. А. П о л о ц к а я. Театр Чехова в восприятии Брюсова. — *Чтения* 1973.

³ В воспоминаниях Н. Петровской рассказывается о встрече Брюсова с А. Белым на этой премьере (см. наст. том, стр. 780).

⁴ З. Н. Гиппиус — Брюсову, 23 января 1904 г. (ГБЛ, ф. 386. 82.37, л. 2 об. — 3).

⁵ Там же, л. 4—4 об. Письмо приведено полностью.

⁶ Там же, л. 6.

⁷ А. Б е л ы й. «Вишневый сад» (Драматургия Чехова). — «Весы», 1904, № 2.

⁸ См.: «Вехи», II. Искания новой сцены. — «Весы», 1906, № 1.

⁹ *Дневники*, стр. 136.

¹⁰ Майский номер журнала «Новый путь», в котором Гиппиус, не получив от Брюсова рецензии на «Вишневый сад», выступила с собственной оценкой этого спектакля, обнаружил и ее общее с Брюсовым неприятие МХТ, и сходное с ним понимание драматургии Чехова. Не искусство, а «искусность»; излишнее, бессмысленное подражание жизни (впрочем, по мнению Гиппиус, у Чехова оно менее последовательно, чем у театра, — и это говорит в его пользу); отход от глубокого изображения жизни, которое было характерно для великих классиков (Гончарова, Тургенева, Толстого), — все это в ее статье звучит как вариации на мотивы, уже развитые в рукописи Брюсова (Антон К р а й н и й. Что и как. Гл. I. Вишневые сады. — «Новый путь», 1904, № 5).

¹¹ Когда между Брюсовым и Белым назревало отчуждение, Брюсов в письме к нему противопоставлял свой идеал будущего идеалу Чехова (имея в виду слова Вершинина в пьесе «Три сестры»): «Да, я знаю, наступит иная жизнь для людей: не та, о которой наивно мечтал ваш Чехов («через 200—300 лет»)...» — здесь симптоматично ревнивое: «ваш Чехов», т. е. Чехов, которого Белый представил публике как глубокого, а не наивного художника (без даты, август 1904 г. — см. наст. том, стр. 379).

¹² «The Athenaeum», 1904, № 4010, september, 3.

¹³ Концептуальность обзоров в «The Athenaeum'e», о которой пишет С. П. Ильёв (см.: *Чтения* 1969, стр. 569—579), облечена в форму рассказа скорее свидетеля литературной жизни России, чем участника ее или судьи.

¹⁴ Кроме упоминавшейся статьи Белого о «Вишневом саде», в «Весах» появился написанный им же некролог Чехова (1904, № 8).

«ВИШНЕВЫЙ САД» ЧЕХОВА

⟨л.1⟩ В наших столицах и в провинциальных городах, которые побольше, есть театры: того требует наша «европейская» цивилизация. Каждый вечер, вероятно, несколько десятков тысяч человек, русских обывателей, отправляется в театр провести вечер. Они не удовольствуются одними переводами с немецкого и французского да повторениями старых пьес, им нужны новинки — драмы из русской жизни. Таков «спрос». Отвечая ему, Чеховы, Федоровы¹, Горькие, Найденовы^{1*}, Сумбатовы пишут пьесы, более или менее удачные, более или менее занимательные.

Если смотреть с такой узкотеатральной точки зрения, пьесы Чехова окажутся одними из лучших в современном репертуаре. Чехов — писатель образованный, умный, не без таланта. Он не напишет крикливо-риторической «Измены», покоровившей в этом году все русские сцены; ³ он посоветится тех грубо-мелодраматических эффектов, на которые падох Горький; наконец, Чехов не допустит в своих вещах той явной бессодержательности, которая раздражает в пьесах Найденова. Драмы Чехова написаны по последнему слову реалистического искусства, не менее ловко, чем бытовые драмы Гауптмана. Как можно с любопытством просмотреть альбом фотографа-любителя, объездившего со своим кодаком такие местности, куда сам, пожалуй, не попадешь, так без скукимотришь картины, нарисованные Чеховым, и выведенных им лиц^{2*}.

«Вишневый сад» — пьеса интересная и сценичная, хотя, конечно, не без недостатков. В первом акте действующие лица слишком явно занимаются «экспозицией», т. е. выяснением своих взаимных отношений^{3*}: видны белые авторские нитки. Комизм пьесы — самой низкой пробы, доходящий порой до простой «бастонаты»⁴. Драматические положения очень не новы^{4*}. Третий акт, имевший особенный успех, весь построен на избитых^{5*} эффектах, давно^{6*} использованных в самых популярных драмах. В доме идет бал, тогда как настроение главных героев драмы — угнетенное, подавленное: контраст, которым щеголял еще Дюма⁵ и потом его подражатели^{7*}. В то же время где-то за сценой происходит аукционная продажа дорогого всем вишневого сада: как давно известно^{8*}, нет ничего более драматического, как то, что совершается за закрытыми дверями. В выведенных^{9*} лицах нет развития^{10*} характеров; они сразу дают узнать себя^{11*} и до последнего явления остаются все теми же^{12*} (исключение роль Лопахина^{13*}). Заранее знаешь, что такой-то в таком-то случае скажет, и это повторение действующими лицами^{14*} «присвоенных» им речей под конец довольно-таки надоедает. Но пьеса вовремя кончается на четвертом акте эффектным закрыванием ставней.

1* Далее зачеркнуто: Ждановы²

2* Далее зачеркнуто начало следующего абзаца: «Вишневый сад», может быть, самая удачная из пьес Чехова.

3* Далее зачеркнуто карандашом: а в следующих актах слишком заботятся о том, чтобы выяснить зрителям свои характеры.

4* Над очень не новы вписано: такие приемы

5* Было: на таких избитых

6* давно — вписано

7* и потом его подражатели — вписано

8* как давно известно — вписано карандашом вместо зачеркнутого: завет Виктора Гюго, который говорил, что⁶

9* выведенных — вписано карандашом вместо зачеркнутого: действующих

10* Было: никакого развития

11* Вместо сразу дают узнать себя было начато: показывают себя сразу в

12* Далее следовало: так что заранее знаешь (кроме)

13* Было: (исключение, пожалуй, Лопахин)

14* Вместо действующими лицами было начато: героям(и)

⟨Далее л. 2⟩ К достоинствам пьесы надо отнести искусное распределение материала. Каждый акт представляет маленькое, законченное целое; каждый акт отличается от другого. Первый — живая картинка приезда, в которой много настоящей житейской суетни ^{1*}; второй — летняя прогулка; третий — бал в усадьбе; четвертый — разоренное гнездо, стены со снятыми картинами, сдвинутая с мест мебель. Каждый акт длится не больше 20 минут, «выходы» и «уходы» подстроены естественно ^{2*}, нет длинных речей (и уж, конечно, нет монологов). Наконец, некоторые фигуры очерчены очень рельефно ^{3*}, особенно — Лопахин ^{4*}. Его появление в усадьбе, среди дружески расположенных к нему ее владельцев, после того как он купил с аукциона все имение, — сильная ^{5*} и истинно драматическая сцена.

Разыгрывается пьеса МХТом со всеми обычными приемами труппы Станиславского. Весеннее утро в деревне изображается с помощью машинок, имитирующих птичье пение, и с помощью фонографа, воспроизводящего звуки свирели ^{6*}. Декорация II акта ^{7*} взята из «Юлия Цезаря»: небо поставлено тоже полукругом, а пол сцены ^{8*} постепенно опускается, образуя ложину ⁷. Играют обычно ^{9*}, т. е. во что бы то ни стало стараясь говорить так, как в жизни ^{10*}. Но вопрос, как иначе играть Чехова? ^{11*}

Вот весь разбор, какого ^{12*} заслуживает «Вишневый сад». И только потому, что первое представление сопровождалось восторженными овациями, что газеты и журналы прославляют «Вишневый сад» как драгоценный вклад в русскую поэзию, приходится прибавить несколько слов. Место Чехова в русской литературе очень определено. Среди писателей-неореалистов он один из самых видных. У него нет такого могучего таланта, как у Достоевского, чтобы самый реализм обратить в создание истинного искусства. У него нет и такой ясности мысли, как у Ибсена, чтобы сознать всю недос⟨таточность⟩ реализма и перейти от него к высшим формам искусства. Наоборот, Чехов отл⟨ичается⟩ именно тем, что доводит реалистические приемы до крайности, и чем да⟨ет⟩ явно почувствовать всю недостаточность этих приемов. Но и этот реализм Чехова уже ис⟨черпан?⟩им. В тех 12 пьесах, которые изд⟨аны⟩ Маркс⟨ом⟩ ⁸, Чехов закл⟨ючен?⟩ весь и даже⟨?⟩ с ⟨2 нрзб⟩. «Вишневый сад» написан, может быть, искуснее, ловчее, чем другие пьесы Чехова [считая с «Чайки»], но ничего

^{1*} житейской — *описаны*; далее начато: заканчивается он

^{2*} Место подстроены естественно было: естественны

^{3*} Очерчены очень рельефно — *описано вместо*: [очень] удались Чехову, принадлежат к числу лучших и наиболее жизненных в ряду созданных им лиц. Таков

^{4*} Далее начато: вообще

^{5*} Место сильная было начато: единственное сильное

^{6*} Далее начато: Когда по сцене таскают сундуки, то они кажутся набит⟨ыми⟩

^{7*} В автографе описка: III акта

^{8*} Далее начато: изображает

^{9*} Далее зачеркнуто: плохо

^{10*} Далее зачеркнуто: Это — недостижимо, потому что в жизни слова [пропитаны как] произносятся в то самое мгновение, когда они «прих⟨одят⟩ на ум», и все сказанное одушевлено мыслью. В театре актер говорит, заранее зная, что он скажет.

^{11*} Далее зачеркнуто: В других театрах [играют его еще хуже] такие пьесы играют еще хуже.

[На этом] Этими немногими словами и следовало бы окончить разбор пьесы Чехова [и, если б]. Но [первое представление [было связано] [оказалось] сопровождалось] слишком многие смотрят на Чехова не просто как на поставщика драм. Первое представление сопровождалось [самыми неожиданными] самыми восторженными овациями общ⟨ества?⟩. Газеты и журналы прослав⟨ляют⟩ новую пьесу Чехова как новую драгоценность русской поэзии...

Приходится прибавить несколько слов.

Место Чехова в русской литературе очень определено. Он принадлежит к школе писателей-реалистов

^{12*} Было: Вот все, что

Примечание. Это рукопись г. Брюсова

Вишневый сад Чехова

Во многих странах и в провинциальных городах, которые
повсюду есть театры: то же предвечная драма, европейская цивилизация
Каждый вечер, вероятно, тысячи или десятки тысяч зрителей, русские
обыватели, отправляются в театры провести вечер. Они не удовлетворяются
только переводами и пьесками и французского но повторением
старых пьес, или купят повести — драмы из русской жизни. Каждый
спросит: «Ваша ли Чехов, Островский, Горький, Кайгородов, ^{Соловьев} Мамин-Сибиряк,
песни, басни или менее удачные, басни или менее талантливые

Если искусство и талант уже непереносимы, тогда драма, пьеса
Чехов оказывается одним из лучших в современном репертуаре. Чехов
— писатель «редчайший», уникальный, но без таланта бы не написала никаких
романов. Конечно, популярней в этот год все русские писатели; это по-

СТАТЬЯ О «ВИШНЕВОМ САДЕ»

Автограф, 1904. Фрагмент первого листа

Вверху помета Г. И. Чулкова: «Примечательная рукопись, г. Брюсова»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

существенно нового он не говорит нам. Это Чехов, <Далее л. 1 об.> умноживший себя словно с помощью клише. Ведь «Вишневый сад» это (?) лучшая написанная им (?) пьеса, но это пьесы, которые все можно было (?) без скуки показать в театре. Но русская литература от этого не приобрела ничего. Как не приобрела русская живопись от того, что фотография умнож(ает) число снимков с хороших и плохих картин.

«Вишневый сад» тоже написан даже(?) искусней других пьес Чехова, но это относится именно к технике писательства. Чехов весь ушел теперь, по-видимому, (если не считать <1 нрзб> и ненужной «идеи») на усовершенствование техники театрального дела. Он все более и более старается уподобить свои пьесы жизни. Но он похож только (?) на актера, который думает вернее всего изобразить Наполеона, тщательно гримируясь (?). Чехов накладывает все новые и новые краски на свои драмы, чтобы сделать их подобными (?) жизни. Но [за ни<ми> все более исчезает истинный лик] они — странно (?) — становятся все более и более непохожи на действительность: живые лица [из-под], краски жизни все более и более обращаются в чудовищную и безжизненную маску.

[В лучшей пьесе пришла к нему (?) «идея»]

«Вишневый сад» — хорошая пьеса, но это ни в каком случае не создание искусства. Ставить «Вишневый сад» наряду с созданиями Пушкина [или Ибсена], Достоевского, Толстого — значит напрасно подвергать унижению [«Вишневый сад»] Чехова. У истинного искусства есть свои задачи, есть вопросы, всегда для всех главные (?), которые может решать только

искусство. В «Вишневом саде», в лучшем случае, есть <1 нрзб> мелкая (?) общ(ественная) идея: дворянское оскудение. Дворяне уходят, уступая место разночинцам, а на третьем плане стоит ф(игура) босяка, прохожего во 2 [действии] акте. Но эти вопросы куда удобнее и целесообразнее (?) обсуждать в газетах или в научных сочинениях. Искусству с ними делать нечего. Это заставлять Пегаса — пахать [зем(лю)]. Право <1 нрзб>, нужна лошадь сильнее (?). Пьесы Чехова — созданы, чтобы нравиться всем в театре, хорошо, не без того <4 нрзб>. Но творит истинный художник для искусства. Он ведет человечество по его пути сквозь хаос к новому небу. Те — заслуживают поклонения и восторгов. С Чеховым — добиваются (?) хороших сборов.

Не современен.

ФРАГМЕНТ ДРУГОЙ РЕДАКЦИИ (л. 3)

исключение — роль того же Лопухина). Заранее знаешь, что такой-то ^{1*} в таком-то случае скажет, и это повторение героями «присвоенных» им речей, да еще с разными назойливыми словечками (их «лейтмотивами») под конец довольно-таки раздражает. Но пьеса вовремя кончается на 4-м ^{2*} акте эффектным закрытием ставней.

Искать какого-либо более глубокого содержания в «Вишневом саде» совершенно бесплодно ^{3*}. Если есть в пьесе «идея», то разве только изображение дворянского оскудения: дворяне покидают свои разоренные имения, попадающие в руки разночинцев, а на третьем плане уже стоят босяки, которых символически изображает «прохожий» во втором акте. Но для обсуждения таких вопросов гораздо пригоднее газетные фельетоны или специальные трактаты. Искусству с ними делать нечего. Обсуждать ^{4*} такие вопросы в драме — значит заставлять пахать Пегаса. Право, для этого гораздо пригоднее лошади... иной породы.

Равнять Чехова с Пушкиным, Достоевским, Толстым, говорить, что «Вишневый сад» новый драгоценный вклад в русскую литературу, как это делают поклонники Чехова, — значит подвергать его ненужному унижению. «Вишневый сад» — хорошая пьеса, но это не искусство в святом смысле слова.

Чехов остался сам собой, пошел вперед в технике своего дела, но не изменился внутренне. Но жизнь пошла вперед и опередила Чехова. Когда-то сумеречные настроения его пьес гармонировали с душой человечества.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Александр Митрофанович Федоров (1868—1949) — беллетрист, драматург, поэт и переводчик. Его пьеса «Бурелом» была поставлена Александринским и Малым театрами (1900); «Старый дом» — Александринским (1901); обе пьесы шли также в провинции: «Бурелом» — в 1900 г. (Ярославль, Харьков), «Старый дом» — в 1901 г. (Ярославль) и в 1902 г. (Харьков). 15 января 1904 г. состоялась премьера «Обыкновенной женщины» в Александринском театре. В сборник пьес Федорова (СПб., 1903), кроме названных, вошла «Стихия».

² Л. Жданов (Лев Григорьевич Гельман, 1864—1951) — прозаик и драматург, автор романов-хроник, бытовых пьес и исторических драм псевдопатриотического содержания. Его пьесы ставились в Малом театре: «Она жизнь поняла...» (1895), «В северной глуши» (1897), «Ночной пикник» («На огонек», 1898); в Новом театре (Москва): «Она жизнь поняла...» (1898). Ставились его пьесы и в петербургских театрах.

³ Героико-романтическая пьеса А. И. Сумбатова (Южина) «Измена» (1903) была написана в форме драматизированной легенды из истории Грузии. Ее премьера в Ма-

^{1*} Далее начато: скажет

^{2*} Далее зачеркнуто: действия

^{3*} Было: бесплодная задача

^{4*} Было начато: Вопло(щать)

лом театре 19 ноября 1903 г. имела шумный успех. Пьеса шла также в Ростове-на-Дону и в Тифлисе (1903—1904 гг.).

⁴ «Бастоната» — от франц. *bastonnade* (палочные удары); здесь — грубый, примитивный комизм.

⁵ Имеется в виду IV акт драмы А. Дюма-сына «Дама с камелиями» (1852): на веселом вечере с танцами и карточной игрой происходит драматическое объяснение между Маргаритой Готье и Арманом Дювалем.

⁶ Гюго, отстаивая в «Предисловии к «Кромвелю» (1827) свободные принципы романтического искусства, протестовал против норм классицистской трагедии и, в частности, доказывал, что единство места несовместимо с художественной правдой: «...все слишком характерное, слишком сокровенное, слишком локализованное для того, чтобы происходить в передней или на перекрестке, то есть вся драма, — происходит за кулисами. На сцене мы видим, можно сказать, только локти действия; рук его здесь нет» (Виктор Гюго. Собр. соч. в 15 томах, т. 14. М., 1956, стр. 99).

⁷ Станиславский писал об оформлении V акта «Юлия Цезаря» (премьера 2 октября 1903 г.): «Действие происходит на большой равнине, удобной для столкновения двух неприятельских войск. С помощью горизонта во всю сцену, который имеется в театре, с помощью живописной перспективы удалось добиться необходимой шири» (К. С. Станиславский. Собр. соч. в 8 томах, т. 1. М., 1954, стр. 264). Далее он отмечает еще одну деталь: с помощью большого люка была создана лощина, через которую проходили войска Брута. Ко времени работы над «Вишневым садом» театр, имея уже опыт постановки «Юлия Цезаря», располагал «всеми возможностями создания иллюзии беспредельной дали в пейзажных картинах» (А. Басеих и с. Художники на сцене МХАТ. М., 1960, стр. 33). Но декорация II акта «Вишневого сада» принципиально отличалась от декорации V акта «Юлия Цезаря», хотя оба спектакля оформлял один художник — В. А. Симов. В каждом спектакле оформление было подчинено общему режиссерскому решению. Имевшиеся технические средства, на которые и обратил внимание Брюсов, естественно были использованы в обоих постановках, но в общем тоне оформления было мало сходного, о чём свидетельствуют и немногие сохранившиеся в музее МХАТ изобразительные материалы: эскиз декорации II акта «Вишневого сада» (акварель В. А. Симова) и фотография V акта «Юлия Цезаря».

⁸ Во второе издание Собрания сочинений Чехова, выпущенное А. Ф. Марксом в 1903 г., вошло 11 пьес (т. XIII и XIV). Двенадцатой пьесой стал «Вишневый сад», вышедший отдельной книжкой в начале июня 1904 г.